

Т. Маурер

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ: ПРОФЕССОРА И СТУДЕНТЫ В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В своем пресловутом обращении «К цивилизованному миру», призванном опровергнуть обвинения со стороны союзников немецких военных злодеяний, 93 немецких писателя, художника и ученых заявили: «Немецкая армия и немецкий народ едины»¹. Через несколько недель более 4 000 университетских преподавателей (т.е. почти весь штат преподавателей всех высших учебных заведений), подписавших еще одну общественную декларацию, повторили эту идею и добавили: «И мы также часть этого единства»². В течение всей войны этот опыт единства, пережитого в августе 1914 г., часто вспоминался в призывах к народу, и он стал постоянно упоминаемым фактом в историографии. Все сходились на том, что он размыл границы между политическими лагерями и социальными классами. Однако совсем недавно эта точка зрения была подвергнута сомнению. Дух августа 1914 г. оказался распространенным мифом или даже фикцией³.

Как показывает только что процитированное обращение, немецкие профессора и студенты считали себя частью нового порядка, вызванного вспыхнувшей войной. Концепция единства соответствовала их представлениям о самих себе. Десятилетиями они заявляли, что стоят выше всякой политической возни, и даже считали себя аполитичными. Это подкреплялось их представлением о том, что научная деятельность является политически нейтральной. Однако заявления об аполитичности можно было бы считать соответствующими действительности только в том случае, если понимать слова «политический»

¹ «Deutsches Heer und deutsches Volk sind eins». The text and the list of signatories are reprinted in *Der Krieg der Geister. Eine Auslese deutscher und ausländischer Stimmen zum Weltkrieg* / Hg. H. Kellermann. Weimar 1915. S. 64–69; zit. S. 66. Воззвание также можно найти в следующем сборнике: *Aufrufe und Reden deutscher Professoren im Ersten Weltkrieg* / Hg. K. Bohme. Stuttgart, 1975. S. 47–49.

² «denn beide sind eins, und wir gehören auch dazu»: *Aufrufe und Reden*. S. 49.

³ *Verhey J.* The Spirit of 1914. Cambridge; etc. 2000. Более подробно о пограничном городе см.: *Geinitz Ch.* Kriegsfurcht und Kampfbereitschaft. Das Augusterlebnis in Freiburg. Eine Studie zum Kriegsbeginn 1914. Essen, 1998.

и «демократический» как синонимы. «Аполитичность» не воспрещала им разделять консервативные, монархические или конституционные взгляды. На самом деле, после объединения Германии в ней началась волна антилиберализма, в особенности среди студентов. Но были также и профессора, которые открыто поддерживали Пангерманскую Лигу⁴.

Все люди, получившие высшее образование, культивировали чувство социального превосходства. Они, безусловно, были частью немецкого *Bürgertum*, [что в переводе весьма приблизительно означает «средний класс». — *Ред.*]. Однако традиционно профессора скорее причисляли себя к высшему ученому сословию (*Gelehrtenstand*), нежели к какому-либо классу. И лишь в результате модернизации страны и профессионализации их социальный статус приближался к статусу других социальных элит. Благодаря своей образованности и социальным позициям профессора и студенты, как либеральные, так и консервативные, были убеждены в том, что они стоят во главе нации.

Историографы университетов традиционно уделяли основное внимание академическим учреждениям и науке. Таким образом, их история представлялась, в основном, с позиций взгляда изнутри. С 1914 по 1918 г., однако, условия академической жизни определялись, в основном, военной ситуацией, т.е. взглядом со стороны. Как государственное учреждение, университет зависел от правительственного финансирования, и на нем отражалась судьба государства в целом. Преподавание и исследования требуют определенной регулярности, поэтому университет не может выполнять свою главную задачу должным образом во время войны⁵.

Первая мировая война радикально изменила социально-политическую систему Германии. Некоторое время казалось, что война послужила катализатором для изменений и в университетской жизни. Историки затрагивали этот вопрос лишь случайно и вскользь. Таким

⁴ *Jarausch K.H.* Students, Society, and Politics in Imperial Germany. The Rise of Academic Illiberalism. Princeton, 1982; *Schwabe K.* Wissenschaft und Kriegsmoral. Die deutschen Hochschullehrer und die politischen Grundfragen des Ersten Weltkrieges. Göttingen; Zürich; Frankfurt, 1969. S. 9–14.

⁵ *Blessing W.K.* Universität im Krieg. Erlanger Schlüsseljahre im 19. und 20. Jahrhundert // Die deutsche Universität im 20. Jahrhundert. Die Entwicklung einer Institution zwischen Tradition, Autonomie, historischen und sozialen Rahmenbedingungen / Hg. K. Strobel. Vierow, 1994. S. 47–68; zit. S. 47f.

образом, детально была изучена только война умов, т.е. публицистическая и пропагандистская деятельность. В данной статье мы обсудим ту роль, которую университеты на самом деле играли в немецком обществе, рассматривая более подробно их изначальные задачи и участие в войне, т.е. их непосредственное участие в военных действиях и практическую деятельность на «домашнем фронте». В соответствии с традиционными представлениями ученых о самих себе и опытом августа 1914 г., фокусом этой дискуссии будут две полярные позиции — исключительность и интеграция.

Университеты во время войны

В отличие от России, и также в противоположность Франко-прусской войне 1870–1871 гг.⁶, значительно большая часть студентов и профессоров приняли участие в военных действиях Первой мировой войны. Летом 1914 г. в немецких университетах обучалось 60 тыс. студентов и еще около 20 тыс. в других высших учебных заведениях, что составляло 1,6 % всех молодых людей Германии в возрасте от 19 до 23 лет⁷. Половина из них ушла на фронт. В течение войны доля отсутствующих студентов возросла. Летом 1918 г. более двух третей всех студентов служили в армии. Если учитывать только лишь лиц мужского пола, участие в войне достигло 80 %. К тому же, процент смертности среди студентов был

⁶ Обобщенные сведения о российских университетах во время войны см. в работах П.И. Новгородцева (1866–1924), который был профессором Московского университета до своей иммиграции в Прагу: *Novgorotsev P.J. Russian Universities and Higher Technical Schools during the War // Russian Schools and Universities in the World War. New Haven, 1929. P. 131–239.* О военной службе студентов во время Франко-прусской войны см.: *Jarusch K.H. Deutsche Studenten 1800–1970. Frankfurt a.Main, 1984. S 106;* а также: *vom Brocke B. Marburg im Kaiserreich 1866–1918. Geschichte und Gesellschaft, Parteien und Wahlen einer Universitätsstadt im wirtschaftlichen und sozialen Wandel der industriellen Revolution // Marburger Geschichte. Rückblicke auf die Stadtgeschichte in Einzelbeitragen / Hg. E. Dettmering, R. Grenz. Marburg, 1980. P. 367–540; zit. S. 538; Buchner M. Die Universität Würzburg im Weltkrieg // Aus der Vergangenheit der Universität Würzburg. Festschrift zum 350 jährigen Bestehen der Universität / Hg. M. Buchner. Berlin, 1932. S. 42–101; zit. S. 44; *Blessing. Universität im Krieg. S. 51.**

⁷ *Jarusch K.H. Students in the First World War // Central European History. 1984. Vol. 17. S. 310–329; this reference: P. 311.*

выше, чем в любой другой социальной группе.⁸ С другой стороны, доля учащихся женского пола в университетах возросла не только пропорционально, но и численно — от почти 4 до 7 тыс. в 1918 г.⁹

Отсутствие большинства юношей-студентов и определенной части преподавательского состава отразилось на преподавании и обучении. Как заметил один из оставшихся профессоров, им пришлось столкнуться с «идеей абсолютно пустого пространства, выраженной практически». Вместо 50 или 100 студентов их лекции слушала только дюжина, и одеты они были в черные сюртуки или даже цветные юбки. Обыгрывая таким образом немецкое слово *Rock* — *im schwarzen oder auch im bunten Rock*, профессор протестантского университета намекает на католических богословов (которые были освобождены от военной службы) и женщин, которые демонстрировали пик «прилежания и усердия»¹⁰.

В течение войны студенческий состав постоянно находился в текущем состоянии, и это в большой степени препятствовало непрерывной работе. К тому же, университетские здания использовались как госпитали для раненых или как школы. Из-за недостатка топлива университетские залы остались без отопления, а во второй половине войны сроки зимних семестров были несколько смещены¹¹. Преподавателей, ушедших на фронт, заменили преподавателями смежных специальностей и из других университетов, профессорами-пенсионерами. Некоторые курсы вообще некому было читать¹². Требования к экзаменам были снижены как в гимназиях (*Notabitur*), так и в университетах¹³.

⁸ *Jarauscb*. Students in the First World War/ P. 318; *Jarauscb*. Deutsche Studenten. S. 109.

⁹ *Jarauscb*. Students in the First World War. P. 320; *Jarauscb*. Deutsche Studenten. S. 110.

¹⁰ *Oertmann P*. Erlanger Juristenleben in der Kriegszeit // Erlangen in der Kriegszeit. Ein Gruß der Universität an ihre Studenten. [Erlangen], 1915. S. 8–11 zit. S. 10 («die praktische Vorstellung vom absolut leeren Raume»); также см. ежегодный отчет ректора боннского университета в: *Jarauscb*. Students in the First World War. P. 320.

¹¹ Об условиях военного времени см.: *Buchner*. Würzburg im Weltkrieg. S. 55f.; *Liermann H*. Die Friedrich-Alexander-Universität Erlangen 1910–1920., Neustadt, 1977. S. 43.

¹² *Liermann*. Friedrich-Alexander-Universität. S. 39. В возрасте 75 лет известный философ Г. Коэн ездил из Берлина в Марбург, чтобы замещать коллегу, воевавшего на фронте (*Brocke*. Marburg im Kaiserreich. S. 534).

¹³ *Pinkerneil Fr. A*. Akademische Rundschau // Die Hochschule, 1917/1918. Bd. 1. № 5. S. 3–11; zit. S. 3–6; *Gercke A*. Wissenschaftlicher Unterricht an der Front //

Поскольку изменилось численное соотношение оставшихся профессоров и студентов, то их отношения стали ближе. И они еще более сблизились на общих собраниях, где профессора со студентами вместе читали стихотворения о войне и письма с фронта¹⁴. В то же время большинство юношей-студентов, служащих в армии, стали защитниками профессоров, оставшихся дома, а сами профессора из менторов превратились в опекаемых. Один из них заметил, что до сих пор задачей преподавателей было воспитать интеллектуальных лидеров. Теперь решающую роль играют поступки, а не слова. Как только молодые вернутся домой с победой, им придется учить стариков¹⁵. Таким образом, они поменялись ролями, произошла переоценка изначальной задачи профессоров.

Поскольку профессора и студенты были вовлечены в организацию повседневной жизни, заменяя тех, кто ушел на фронт, преподавание и обучение перестали быть их основным видом деятельности. Для Фридриха Майнеке, который активно занимался чтением публичных лекций и публикацией статей о различных сторонах войны, преподавание «не было больше центральной частью каждодневного труда, но сохранило, наряду с новой деятельностью, свое определенное значение»¹⁶.

Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik. 1918/19. Bd. 13. Cols. 81–96; this reference: Cols. 83–85; *Moraw P.* Kleine Geschichte der Universität Gießen 1607–1982. Gießen, 1992. S. 194; *Tollmien C.* Die Universität Göttingen im Kaiserreich // Göttingen. Geschichte einer Universitätsstadt. Vol. 3: Von der preußischen Mittelstadt zur südniedersächsischen Großstadt: 1866–1989 / Hg. R. von Thadden, G. J. Trittel. Göttingen, 1999. S. 357–393; zit. S. 386.

¹⁴ *Liermann.* Friedrich-Alexander-Universität. S. 42 (Цитирую ректора. Для ясности я называю человека, который фактически исполнял обязанности ректора, ректором, хотя по-немецки он назывался проректором. Во многих немецких университетах того времени официальным ректором или *Rector magnificientissimus* был правитель определенной земли либо один из членов его семьи). *Oertmann.* Erlanger Juristenleben. S. 10; *Paletschek S.* Tübinger Hochschullehrer im Ersten Weltkrieg: Kriegserfahrungen an der «Heimatfront» Universität und im Feld // Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkriegs / Hg. G. Hirschfeld, G. Krumeich, D. Langewiesche, H.-P. Ullmann. Essen 1997. S. 83–106; zit. S. 95.

¹⁵ Eberhard Gothein in November 1914: *Reichert F.* Wissenschaft und «Heimatfront». Heidelberger Hochschullehrer im Ersten Weltkrieg // Zwischen Wissenschaft und Politik. Studien zur deutschen Universitätsgeschichte // Hg. A. Kohnle, F. Enghausen. Stuttgart, 2001. S. 494–519; S. 495.

¹⁶ «<...> der Lehrberuf stand nicht mehr im Mittelpunkt der täglichen Arbeit, aber behauptete neben dem neuen Mittelpunkt doch seinen auskömmlichen Platz».

На протяжении XIX в. немецкие студенты разработали «субкультуру, находившуюся под сильным влиянием корпоративизма»¹⁷. Однако на рубеже веков независимые, не состоявшие в корпорациях студенты стали повсеместно объединяться в так называемые *Freistudentenschaft* и попытались получить влияние среди студенческого состава и организаций студенческого самоуправления. Во время войны такие традиционные развлечения студенческих братств, как дуэли и ритуалы распития спиртных напитков, замерли, и многие студенческие объединения предоставили свои дома Красному кресту. Корпорации и независимые студенты заключили перемирие и даже объединили свои усилия по снижению того ущерба, который война причиняла жителям их местности¹⁸. В конце, однако, национальный студенческий конгресс потерпел неудачу, корпорации снова взяли верх, и новообетенная солидарность сменилась прежним соперничеством¹⁹.

Традиционные церемонии университетов также были адаптированы к изменившейся ситуации. В особенности в первой половине войны ректоры, вступавшие в должность, чаще обсуждали в своих инаугурационных речах актуальные моменты практических действий, нежели научные вопросы.²⁰ Был широко распространен отказ от традиционных празднований и вечеринок. С другой стороны, специальные церемонии проводились в честь таких событий национального значения, как столетие со дня рождения Бисмарка, четырехсотлетний юбилей реформации или просто день рождения императора²¹. Таким образом, общее

Friedrich Meinecke. Werke. Vol. 8: Autobiographische Schriften, Hg. Eberhard Kessel, Stuttgart 1969. S. 245.

¹⁷ *Jarauscb. Students in the First World War. S. 312.*

¹⁸ *Jarauscb. Illiberalism. P. 398; Jarauscb. Studenten. P. Ill; Schulze Fr., Ssymank P. Das deutsche Studententum von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart 1931. Vierte, völlig neu bearbeitete Aufl., München 1932, S. 458; напр.: Buchner. Würzburg im Weltkriege. S. 90; Moraw. Kleine Geschichte. S. 196; также см.: Getzeny H. Der Nationale Studentendienst an der Universität Tübingen. Tübingen, 1916.*

¹⁹ *Jarauscb. Students in the First World War. S. 324; Jarauscb. Studenten. S. 112; о женской критике стремления корпораций доминировать в национальном студенческом конгрессе см.: Kraus H. Der Gedanke des deutschen Studententages // Die Studentin. 1918. Bd. 7. S. 46–48.*

²⁰ Примеры можно найти в публичных выступлениях в Вюрцбурге в 1915 и 1916 гг. // *Buchner. Würzburg im Weltkriege. S. 42, 53.*

²¹ *Gause Fr. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Vol. 3: Vom Ersten Weltkrieg bis zum Untergang Königsbergs. Köln; Wien, 1971. S. 14.*

дело немецкого народа преобладало над сугубо университетскими интересами. Присуждение званий почетных докторов за разработку оружия, организацию финансовой мобилизации или за победу в битве при Танненберге²² (которая спасла Восточную Пруссию от «полчищ москвитов») также привело к переоценке приоритетов за счет академических достижений²³.

Во многих университетах были организованы специальные циклы лекций с целью просвещения по вопросам войны и для сбора денег на военные цели. Впервые университеты открылись для посторонней публики.²⁴ Таким образом, размывание границ внутри студенческого сообщества, а также между университетом и горожанами, служит индикатором интеграции академического сообщества в общество в целом. И как бы это возможно сформулировали сами профессора: немецкие университеты и немецкий народ «были едины». К концу войны это вылилось в создание ассоциаций, призванных финансировать университеты²⁵.

Но интеграция университетов в общество была только частью действительности. В то же самое время студенты и профессора культивировали специфические академические традиции и внутринаучные отношения. Например, когда был завоеван Бухарест, они организовали патриотическую манифестацию в форме *Kommers*²⁶, т.е. ритуал, включающий распитие спиртных напитков, произнесение речей и исполнение песен, как

²² *Lerche O.* Kriegsehrendoktoren // *Akademische Rundschau. Zeitschrift für das gesamte Hochschulwesen und die akademischen Berufsstände.* 1916/17. Bd. 5. S. 8–13; zit. S. 9 (Замечание: в переводах дипломов с латыни на немецкий использовалось слово «Moskowiterscharen», а не «Horden»). Cf. *Jarausch.* Studenten. S. 110f.; *Gause.* Geschichte der Stadt Königsberg. Bd. 3. S. 5, 10.

²³ См. многочисленные протесты против того, чтобы университет Гейдельберга присуждал звания почетных докторов людям, сделавшим пожертвования: *Schüller H.* Aus der akademischen Bewegung, // *Die Hochschule.* 1918/19. Bd. 2. №. 1, S. 39–44; zit. S. 43.

²⁴ *Gundler Bettina.* Technische Bildung, Hochschule, Staat und Wirtschaft. Entwicklungslinien des Technischen Hochschulwesens 1914–1930. Das Beispiel der TH Braunschweig, Hildesheim 1991. S. 126; *Liermann.* Friedrich-Alexander-Universität. P. 46f.; *Paletschek.* Tübinger Hochschullehrer. S. 93f.; *Göttinger Kriegsgedenkbuch 1914–1918, Göttingen 1935.* S. 163f.

²⁵ *Wendeborst Alfred.* Geschichte der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg 1743–1993. München 1993. S. 148f. (on Erlangen, Göttingen and Bonn); *Moraw.* Kleine Geschichte. S. 198; *Brandt Karl.* Die Universität im Kriege // *Göttinger Kriegsgedenkbuch.* S. 145–153; zit. S. 153.

²⁶ *Buchner.* Würzburg im Weltkrieg. S. 57.

это десятилетиями делали корпорации. Отношения со студентами, которые находились на фронте, поддерживались не только посылками на Рождество и Пасху, но также специальными публикациями и так называемыми военными журналами (*Kriegszeitungen*), которые издавались отдельными университетами²⁷.

Совмещение интеграции с обособленностью и даже исключительностью становится более отчетливым во второй части исследования, посвященной студентам и профессорам в армии.

Участие профессоров и студентов в военных действиях

Как в Германии, так и в России, срок обязательной военной службы был короче для тех, кто имел высшее образование. Но в отличие от своих русских противников, для которых служба откладывалась до момента окончания образования²⁸, часть немецких студентов прошла службу еще до поступления в университет. Другие могли избавиться от армейских обязательств, если поступали в батальон при университетском городке, где они могли совмещать военное обучение с академическими занятиями. (Однако только незначительное меньшинство студентов выбрало такую возможность). Звание лейтенанта запаса считалось престижным и часто указывалось перед обозначением ученой степени на визитных карточках юристов или учителей²⁹.

Когда вспыхнула война, добровольная мобилизация была воспринята как нечто само собой разумеющееся, и на членов студенческих корпораций стало оказываться заметное давление. И даже те, кто был

---

²⁷ *Jansen Ch.* Professoren und Politik. Politisches Denken und Handeln der Heidelberger Hochschullehrer 1914–1935. Göttingen, 1992. S. III; Göttinger Kriegsgedenkbuch. S. 151; *Buchner.* Würzburg im Weltkriege. S. 47f., 71. Примеры военных журналов см.: *Kriegszeitung der Universität Tübingen. Den Studenten im Felde gewidmet.* № 1–2. (Tübingen), 1915–1916. В дополнение к ним издавался специальный журнал недавно созданной студенческой организации: *Kriegs-Zeitung des Nationalen Studentendienstes Tübingen.* № 1–4. Tübingen, 1916–1917. В Вюрцбурге студенческие корпорации издавали свои журналы отдельно: *Buchner.* Würzburg im Weltkriege. S. 91.

²⁸ В том случае если они вообще призывались. Несмотря на то, что существовала обязательная военная служба, те, кто действительно служил, избирались по жребию: *Beyräu D.* Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland. Köll; Wien, 1984. S. 275.

²⁹ *Jarusch.* Illiberalism. S. 344.

непригоден к военной службе, пытались записаться в армию³⁰. Как заметил медиевист Карл Бранди (который прослужил на поле боя всю войну), слово «волонтер» стало официальным титулом, почти что рангом³¹. Мобилизация студентов воспринималась и даже стилизовалась как поступок в лучших традициях освободительных войн против Наполеона и Франко-прусской войны 1870–1871 гг. В отличие от российской практики, профессора в возрасте до 45 лет также могли быть призваны в армию. Конечно, университеты могли настоять на том, чтобы последние не были призваны на фронт (*unabkömmlich*). Но очевидно, что они очень редко пользовались этой привилегией³². А поскольку война затягивалась, и многие частные предприятия рушились из-за того, что владельцы были забраны в армию, то уклонение от службы становилось все более и более неприемлемым³³. На самом деле, многие профессора мобилизовались добровольно, некоторым из них было по 50 и более лет. В некоторых университетах, особенно в начале войны, приблизительно 30 % преподавательского состава служили в армии, на фронте или в госпиталях³⁴. В частности, многие молодые преподаватели

³⁰ Wiedenhoff U. «... daß wir auch diese größte Mensur unseres Lebens in Ehren bestehen werden»: Kontinuitäten korporierter Mentalität im Ersten Weltkrieg // *Kriegserfahrungen*. S. 189–207; this reference: S. 193; *Liermann*. Friedrich-Alexander-Universität. S. 33.

³¹ «wurde eine Dienstbezeichnung, fast ein Rang» (*Brandi*. Die Universität im Kriege. S. 146. О службе самого Бранди см.: *Selle G*. Die Georg-August-Universität zu Göttingen 1737–1937, Göttingen, 1937. S. 333.

³² Эти сведения обнаружил Д. Буссе в своей, готовящейся к печати докторской диссертации о гёттингенских ученых: *Eine Universität im Kriegszustand*. Die Universität Göttingen und ihr wissenschaftliches Umfeld im Ersten Weltkrieg.

³³ *Liermann*. Friedrich-Alexander-Universität. S. 38f.

³⁴ Например, данные по Гиссену: в течение зимнего семестра 1914–1915 гг. 29 % профессоров (Ordinarien) служили в армии, хотя только небольшая часть из них в возрасте от 20 до 45 лет была обязаны служить. Летом 1918 г. на фронте находилось 15 %. Данные об адъюнкт-профессорах (Extraordinarien) варьируют от 29 до 36%, о лекторах (Privatdozenten) — от 37 до 65 % (*Moraw*. *Kleine Geschichte*. S. 194). В Тюбингене средний процент находящихся на фронте составлял 26 % профессоров, 38 % адъюнктов, 71 % приват-доцентов (*Paletschek*. *Tübinger Hochschullehrer*. S. 85. См.: Erlangen in Blessing, Universität im Krieg. S. 53; *Liermann*. Friedrich-Alexander-Universität. S. 39; for Heidelberg: *Jansen Ch*. *Vom Gelehrten zum Beamten*. Karriereverläufe und soziale Lage der Heidelberger Hochschullehrer: 1914–1933. Heidelberg 1992. S. 106f. n. 26; *Jansen*. *Professoren und Politik*. S. 121f. Однако значительная часть профессоров, которые были

были ранены или убиты³⁵. В противоположность опыту освободительных и объединительных войн, действительный опыт Первой мировой войны привел не к «духовному подъему», а к «ожесточению»³⁶.

Поскольку члены и студенческих корпораций, и *Freistudentenschaft* (независимого объединения студентов) сражались на фронте вместе, то эти две группы уже не казались непримиримыми соперниками. Даже те, кто принципиально выступал против поединков и перестрелок, вступили в военные действия³⁷. Что же касается вопроса интеграции и обособленности, то, с одной стороны, важность контактов с нижними классами общества и внеклассовый опыт войны постоянно подчеркивались как профессорами, так и студентами³⁸. С другой стороны, обе группы держали дистанцию с теми, кто был плохо образован. Они заявляли, что, будучи более дисциплинированными, они не так сильно изматываются войной (*kriegsmüde*), как другие. Поскольку они привыкли считать личные чувства и ощущения чем-то второстепенным и посвящать себя целиком общему благу, то они считали, что война всей своей тяжестью обрушилась на их сознание сильнее, чем на сознание простого народа³⁹. После ряда сражений, когда все надежды были утрачены, они искали «духовное убежище» (*geistige Zuflucht*). Некоторые, находясь в окопах, создали себе прибежище написанием небольших статей⁴⁰. Но с осени 1916 г. их «духовный голод»⁴¹ можно было удовлетворить, хотя бы отчасти, в специальных солдатских университетах, созданных в тыловых районах (*Etappenhochschulen*). В этих учреждениях (где курсы читались, как правило, в течение десяти дней или двух недель) военная

призваны или пошли на фронт добровольно, в действительности не воевали, а работали в военных госпиталях или даже в бараках в тылу.

³⁵ Данные о Бонне см.: *Jarauscb. Students in War*. S. 322. Некоторые погибшие члены вюрцбургского университета описаны в: *Buchner. Würzburg im Kriege*. S. 60.

³⁶ *Jarauscb. Students in War*. S. 319.

³⁷ v. Salvisberg, редактор *Hochschulnachrichten*, цит. в: *Erlangen in der Kriegszeit*. S. 34.

³⁸ *von Huene Fr. Fr. Arbeitserinnerungen*. Halle, 1944. S. 26. Более подробные воспоминания можно найти в мемуарах археолога, который, будучи профессором, добровольно пошел на фронт рядовым: *Curtius L. Deutsche und antike Welt. Lebenserinnerungen*. Stuttgart, 1956. S. 398–401.

³⁹ *Gercke. Wissenschaftlicher Unterricht*. S. 85, 87.

⁴⁰ *Otto Jessen* (автобиографическая речь, без названия) // *Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in München* 36 (1951). S. 221–234; this reference: S. 225.

⁴¹ *Jarauscb. Students in War*. S. 319.

иерархия сменилась общим ощущением, что все участники занятий являются «учениками науки»⁴². Курсы посещали в основном студенты и выпускники вузов и гимназий. Но были там и торговцы, и даже рабочие и ремесленники⁴³. Эти учреждения, хоть и созданные для удовлетворения потребностей образованного сословия, были теперь открыты для всех. Каким бы показателем интеграции данная ситуация не являлась, все же жизнь в этих солдатских вузах была организована в соответствии с традиционными ритуалами.⁴⁴ Более того, при внимательном взгляде на членов студенческих корпораций выявляется, что они и на театре военных действий общались преимущественно со студентами своего братства. Таким образом, они сохраняли свое прежнее студенческое корпоративное сообщество, вместо того, чтобы интегрироваться в «солдатское братство окопов»⁴⁵. На самом деле, тесные связи между бывшими студентами и пренебрежение боевым опытом изолировало их от товарищей по оружию.

Случалось, что профессора полностью интегрировались в армию ради достижения конкретных военных целей или заботы о раненых. Например, так поступил профессор католической теологии, который служил простым помощником санитаров и всего лишь переносил раненых⁴⁶. Но чаще мы встречаем в мемуарах воспоминания о некоторых сложностях и даже напряженности, которая существовала между профессиональными офицерами и профессорами (которые часто служили в качестве медицинских экспертов)⁴⁷.

⁴² «Jünger der Wissenschaft»: *Paul Ssymank*. Aus der Frühzeit des Etappenhochschulwesens // *Neue Jahrbücher für Pädagogik* 22 (1919). S. 69–75; zit. S. 72.

⁴³ См. статистику по Дурнику (Tournai) в: *Gercke*. Wissenschaftlicher Unterricht. S. 93.

⁴⁴ «Das ganze deutsche Kommerzleben schien auf französischen Boden verpflanzt» (*Ssymank*. Frühzeit des Etappenhochschulwesens. S. 74.

⁴⁵ В качестве примера см. письмо («Aus dem Osten») трех членов студенческой корпорации в *Deutsche Korpszeitung* 32 (1915/16). S. 3571; комментарии см. в: *Wiedenhoff*. Kontinuitäten korporierter Mentalität. S. 192.

⁴⁶ Как заметил профессор медицины: [Ludolf Krehl], *Feldpostbriefe von Ludwig Krehl an seine Frau vom September 1914 bis September 1918*. vols. I–II, (Leipzig) n. d. [1939]; zit. Vol. I. S. 31.

⁴⁷ См. письмо консервативного, религиозного (pietistic) профессора медицины: *Krehl*. *Feldpostbriefe*. Bd. I. S. 10, 21, 24; Bd. II. S. 425; или мемуары лектора-социалиста (приват-доцента, возведенного в звание профессора), который в начале войны пошел добровольцем, но не был взят, а позже был

В тылу были учреждены специальные организации в помощь инвалидам и раненым студентам и выпускникам вузов. Это кажется вполне разумным с точки зрения службы трудоустройства, но в то же время указывает на социальную исключительность в случае особых санаториев и домов отдыха.

Деятельность студентов и профессоров в тылу

Как частные лица, так и академические институты, участвовали в финансовой мобилизации. На военные займы подписывались не только студенты и профессора, но и целые университеты или факультеты и студенческие корпорации. Вюрцбургский университет даже пожертвовал должностную цепь ректора золотому запасу Рейха. Однако, поскольку война затягивалась, некоторые университеты отказались от практики коллективных жертвований и предоставили право выбора частным лицам⁴⁸. Причиной тому также могло быть и то, что профессора потеряли существенную часть своих доходов в связи с резким сокращением количества студентов, а, значит, и денежных сборов за обучение. Поддерживая мнение, что их потери были больше, чем потери любой другой социальной группы⁴⁹, они подавали себя как часть народа, заявляя в то же время о своей исключительной позиции.

Поскольку все больше и больше людей призывалось на фронт, профессора и студенты приложили значительные усилия к их замещению, чтобы сохранить повседневный уклад жизни и обеспечить необходимый запас пищи, топлива и энергии. В частности, профессора и члены их семей принимали участие в заботе о раненых, как под эгидой Красного креста, так и в кооперативах медсестер (и медбратьев), где все они были волонтерами⁵⁰. Профессора медицины часто брали на себя руководство дополнительным госпиталем, тогда как профессо-

---

призван в качестве врача (Unterarzt des Landsturms): *Grotjahn A.* Erlebtes und Erstrebt. Erinnerungen eines sozialistischen Arztes. Berlin, 1932. S. 160–162.

⁴⁸ *Buchner.* Würzburg im Weltkrieg. S. 55, 58.

⁴⁹ См. доклад ректора Эрлангенского университета, цит. по: *Liermann.* Friedrich-Alexander-Universität. S. 42.

⁵⁰ *Paletschek.* Tübinger Hochschullehrer. S. 99; Ежегодный доклад ректора Бауэра в: Die Universität Heidelberg ihren Studenten im Feld. Neujahr 1916. S. 8.

ра гуманитарных наук замещали учителей в гимназиях⁵¹. В Гёттингене профессор физики взял на себя руководство энергостанцией⁵². Случай гёттингенского физика Макса Борна, который в то время был лишь приват-доцентом, был не типичным. Не будучи призван на фронт, он чувствовал себя «крайне бесполезным и беспокойным». Вместе с одним из своих студентов он ездил в ближайшую деревню и помогал собирать урожай.⁵³ В его случае, как и в ситуации в целом, была большая доля идеализма, но также и дилетантизма⁵⁴.

Закон о всеобщей гражданской повинности (*Gesetz über den zivilen Hilfsdienst*), изданный в декабре 1916 г., обязал работать всех лиц мужского пола в возрасте от 17 до 60 лет. Это привело к своего рода официальной интеграции профессоров в народ. Обычно они привлекались к несению службы в администрации, промышленности и военной экономике. Однако, в основном, этим занимались сотрудники технических вузов (*Technische Hochschulen*), в то время как число университетских преподавателей на этих должностях было невелико. Более того, все они могли совмещать эти обязанности со своей работой в университетах⁵⁵.

Вклад в пропаганду и издательское дело, которому отведено такое почетное место в историографии, не был общераспространенным феноменом. Прежде всего, в процентном отношении число тех, кто принимал участие в пропаганде, обычно сильно преувеличивают. Например, в Тюбингене преподавателей, служивших на фронте, было в два раза больше, чем авторов военных публикаций⁵⁶. Во-вторых, этим занимались, в основном, гуманитарии и, в меньшей степени, экономисты и юристы, тогда как естествоведы и медики держались в стороне. Не только историки интерпретировали эту ситуацию, как компенсацию отсутствия действительной военной службы⁵⁷. Скорее, эта интерпрета-

⁵¹ *Reichert*. Wissenschaft und «Heimatfront». S. 500.

⁵² *Meinhardt Günther*. Die Universität Göttingen. Ihre Entwicklung und Geschichte von 1734–1974. Frankfurt–Zürich, 1977. S. 76.

⁵³ *Born Max*. Mein Leben. Die Erinnerungen des Nobelpreisträgers. München, 1975. S. 225.

⁵⁴ Подобное восхищение деятельностью гейдельбергских профессоров можно найти в: *Reichert*. Wissenschaft und Heimatfront. S. 500.

⁵⁵ *Gundler*. Technische Bildung. S. 139f.

⁵⁶ *Paletschek*. Tübinger Hochschullehrer. S. 101.

⁵⁷ *Jarusch*. Studenten. S. 110; *Jansen*. Professoren und Politik. S. 125; *Brocke*. Marburg im Kaiserreich. S. 533.

ция исходит от современников, которые делали замечания относительно тех, кто «более или менее вынужденно остался в тылу»⁵⁸. В то же время подобная деятельность лишь усилила их традиционные позиции интеллектуальных лидеров нации, так как они полагали, что это их задача — объяснять ход войны и ее значение. Студенты, основавшие «Национальную студенческую службу», оправдывали свою деятельность похожим образом: они организовывали помощь крестьянам по сбору урожая и открывали центры присмотра за солдатскими детьми (так как матерям приходилось работать). Им было «стыдно» оставаться в тылу, особенно когда они думали о своих товарищах-студентах на фронте. Поэтому они чувствовали себя обязанными работать во «вспомогательных патриотических программах». Но в то же время, они описывали свою деятельность в рамках роли «будущих народных лидеров». Они были обязаны заботиться о своем народе, сродни тому, как полевой командир обязан заботиться о своем полке. Вместо того, чтобы работать в уже существующих программах, они предпочли создать свою собственную организацию. А для того, чтобы привлечь новых членов, студенты оправдывали свое сегодняшнее служение своим лидерством в будущем. Когда они говорили об узах, объединяющих «студентов с народом»⁵⁹, то уже из самих формулировок было ясно, что «народ» — это кто-то другой, простые люди. На самом деле своей частичной интеграцией студенты еще сильнее укрепили свое стремление к лидерству⁶⁰.

⁵⁸ *Oertmann*. Erlanger Juristenleben. S. 8. См. эпиграф брошюры В. Зомбарта: *Sombart Werner*. Händler und Helden. Patriotische Besinnungen. München–Leipzig, 1915. S. Vf.

⁵⁹ *Getzeny*. Nationaler Studentendienst. Quotations: S. 7, 8, 4, 30.

⁶⁰ Размышления людей, получивших академическое образование, о своем словесном положении в конце войны см. в: *Fischdick Wilhelm*. Akademisches Standesbewußtsein // Die Hochschule. Blätter für akademisches Leben und studentische Arbeit 2 (1918/1919). S. 185–192. Фишдик подчеркивает большую важность их обязанностей по сравнению с привилегиями, но добавляет: «В самом термине «сословие» скрыто значение, происходящее от положения человека, стоящего в определенной позиции. Это, однако, указывает на определенную позицию в рамках масштабной структуры, состоящей из обязанностей и работы. Вот, что важно». («Gewiß, der Sonderbezug im Begriff des Standes bleibt bestehen, denn Stand kommt von Stehen an einer besonderen Stelle, aber an einer besonderen Stelle im großen ganzen Arbeits- und Pflichtengefüge, darauf kommt es an»).

Таким образом, вырисовывается неоднозначная картина. На некоторое время война размыла четкие границы и даже навела мосты между традиционно разделенными группами, как внутри студенчества, так и между горожанами и университетской средой. Особенно на ранних этапах войны чувство общности хорошо сочеталось с всеобщей потребностью в единстве. Стараясь внести свой вклад в победу, ученые открыли двери лекционных залов для посторонних, взяли на себя ответственность по организации повседневной жизни и выполнению задач, которые явно были ниже их квалификации и в другое время были бы расценены как неподобающие им. Облегчив экзаменационные задания с целью в кратчайшие сроки обеспечить армию докторами и солдатами, они снизили академические стандарты. Это могло подорвать традиционное обоснование высокой позиции ученых и людей с высшим образованием (образованных) в обществе. Одновременно они делали упор на свои специфические потребности, создавали специальные учреждения для образованных жертв войны, культивировали академические традиции и таким образом усиливали связи внутри своей группы. Во время растущего равенства между разными социальными группами, ученые и студенты представляли свой вклад в дело войны, пропаганды и организации быта таким образом, чтобы еще более обосновать свои претензии на лидерство в обществе.

Перевод Н.Е. Берегой

Автор благодарит Е.А. Мингалеву (Тюмень, Гёттинген) за огромную помощь при редакции русского перевода.